

К истории взаимоотношений Георгия Вернадского и Николая Ульянова

П. Н. Базанов

Для цитирования: *Базанов П. Н.* К истории взаимоотношений Георгия Вернадского и Николая Ульянова // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2019. Т. 64. Вып. 1. С. 266–276. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2019.116>

В статье впервые предпринят сравнительный анализ взаимоотношений двух знаменитых историков русского зарубежья — Георгия Владимировича Вернадского (1887–1973) и Николая Ивановича Ульянова (1904–1985). Их связывала многолетняя дружба, соседские и приятельские отношения. Анализируется взаимовлияние историков-друзей на их работы и концепции. На основании многочисленных архивных и опубликованных источников восстанавливаются жизнь и быт русских историков в Йельском университете и г. Нью-Хейвене. Основное внимание уделено американскому периоду биографии Н. И. Ульянова. На основе неопубликованных материалов из архива Йельского университета реконструируется преподавательская карьера Н. И. Ульянова. Воссоздаются преподавательская модель поведения Н. И. Ульянова, его манера читать лекции. Обосновывается принадлежность профессора Н. И. Ульянова к петербургской научно-педагогической школе. Показан мир исторической науки русского зарубежья — первой и второй волн эмиграции. На основе переписки из Бахметевского архива убедительно доказывается тезис о сложившемся устойчивом круге русских историков в США. Взаимоотношения Г. В. Вернадского и Н. И. Ульянова рассматриваются в связи с их общением с другими русскими учеными-эмигрантами — М. М. Карповичем, С. Г. Пушкаревым, В. П. Никитиным. Исследуется отношение Н. И. Ульянова к евразийству, влияние на него Г. В. Вернадского. Обосновывается парадоксальная концепция «патриотического западничества» Н. И. Ульянова. Показано отношение к славянофильству, апологетика Петра I как создателя российской светской культуры, литературы и науки, в частности Академии наук и Петербурга как символа русской европейской культуры. Н. И. Ульянов являлся продолжателем линии историков С. М. Соловьева, В. О. Ключевского и С. Ф. Платонова. Дан краткий историографический обзор рассматриваемой темы.

Ключевые слова: Г. В. Вернадский, Н. И. Ульянов, историческая наука, русская эмиграция, русское зарубежье, евразийство, западничество.

Петр Николаевич Базанов — д-р ист. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный институт культуры, Российская Федерация, 191187, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 2–4; bazanovpn@list.ru

Petr N. Bazanov — Doctor in History, Professor, St. Petersburg State Institute of Culture, 2–4, Dvortsovaia nab., St. Petersburg, 191187, Russian Federation; bazanovpn@list.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2019

The History of the Relationship between George Vernadsky and Nikolai Ulyanov

P. N. Bazanov

For citation: Bazanov P.N. The History of the Relationship between George Vernadsky and Nikolai Ulyanov. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2019, vol. 64, issue 1, pp. 266–276. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2019.116> (In Russian)

The article provides the first comparative analysis of the relationship between two famous historians of the Russian Diaspora Georgy Vladimirovich Vernadsky (1887–1973) and Nikolai Ivanovich Ulyanov (1904–1985). They were linked by long-standing friendship and neighborly friendly relations. The article explores the mutual influence of historians-friends on their works and concepts. Based on numerous archival and published sources, the lives and every day activities of Russian historians at Yale University and in the city of New Haven is restored. The main attention is paid to the American period of biography of N. I. Ulyanov. Thanks to unpublished materials from the archive of Yale University, the teaching career of N. I. Ulyanov is restored in the article. His model of behavior as a lecturer and his manner of lecturing is reconstructed. The article states that N. I. Ulyanov belonged to St. Petersburg scientific and pedagogical school. The world of the historical science of the Russian Diaspora — the first and second “waves” of emigration is also shown. On the basis of the correspondence from the Bakhmetev Archives, it is convincingly proved in the article that the circle of Russian historians in the United States was stable. The article examines the relationship between G. V. Vernadsky and N. I. Ulyanov in connection with their communication with other Russian scholars-emigrants — M. M. Karpovich, S. G. Pushkarev, V. P. Nikitin. Their attitude to Eurasianism, its influence on G. V. Vernadsky is investigated. The paradoxical concept of “patriotic Westernism” by N. I. Ulyanov is outlined. The article also describes his attitude to Slavophilism, the apologetics of Peter I as the creator of Russian secular culture, literature and science, in particular, the creation of the Academy of Sciences and Petersburg as a symbol of Russian European culture. N. I. Ulyanov continued the line of such historians as S. M. Solovyov, V. O. Klyuchevsky and S. F. Platonov. A brief historiographical review of this topic is given in the works by A. Yu. Dornichesko, E. V. Petrov and P. N. Bazanov. The lack of investigation of the topic is grounded.

Keywords: G. V. Vernadsky, N. I. Ulyanov, historical science, Russian emigration, the Russian émigré community, Eurasianism, Westernism.

В современной исторической науке присутствует большой интерес к проблемам изучения отечественной истории в США. Особенно привлекает наших исследователей деятельность русских историков-эмигрантов в Америке. Творчеству, педагогическим успехам и быту ученых-историков посвящены монография и диссертация д-ра исторических наук, проф. СПбГУ Евгения Вадимовича Петрова¹. В то же время научные взгляды и биографии двух известных представителей русской эмиграции, профессоров Йельского университета Г. В. Вернадского и Н. И. Ульянова мало исследованы. Больше внимания, конечно, уделялось представителю «беженской» первой волны, знаменитому историку-евразийцу Георгию Владимировичу Вернадскому (1887–1973), но даже в освещении его биографии американский

¹ *Петров Е. В.:* 1) Научно-педагогическая деятельность русских историков-эмигрантов в США (первая половина. XX столетия). Источники и историография. СПб., 2000; 2) Научно-педагогическая деятельность русских историков-эмигрантов в США в первой половине XX века: дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2001.

период жизни и творчества в основном упоминается, а не анализируется. Единственным исключением из многочисленных публикаций о нем является мемуаральная монография д-ра ист. наук, проф. СПбГУ А. Ю. Дворниченко «Русский историк Георгий Вернадский. Путешествия в мире людей, идей и событий»². Выделим также его статью об отношении Г. В. Вернадского к злободневной украинской теме³.

Николаю Ивановичу Ульянову (1904–1985) повезло меньше, хотя с 1990-х годов автор данной статьи регулярно писал о его парадоксальном творчестве и необычной жизни⁴. В последние годы вышли статьи, посвященные отдельным периодам биографии историка: «Н. И. Ульянов — начало научно-исследовательской деятельности»⁵ и многие другие. Наше внимание, во многом из-за киевского майдана и его трагических последствий, оказалось сосредоточено на изучении Н. И. Ульяновым различных аспектов идеологии «украинства»: «Русский мыслитель Николай Иванович Ульянов о феномене украинского сепаратизма», «Критика концепции украинского областничества в трудах историка Н. И. Ульянова», даже о его американском периоде были написаны: «Профессор русской истории в Йельском университете: Н. И. Ульянов (1904–1985 гг.) в Америке», «Историк Н. И. Ульянов — эмигрант-издатель», «Историк Н. И. Ульянов — преподаватель Йельского университета»⁶.

Н. И. Ульянов — один из самых известных представителей второй русской эмиграции. Его судьба уникальна даже для второй волны. Н. И. Ульянов преподавал в советских вузах, подвергся незаконному аресту, оказался на войне и в фашистском плену, бежал, был угнан как осторбайтер в Германию, прошел через Дахау, пребывал в лагерях для «Ди-Пи», работал на заводе в Марокко и даже был главой русской редакции радиостанции «Освобождение» (ныне — «Свобода»).

Только в 1956 г. Н. И. Ульянов смог вернуться после двадцатилетнего перерыва к преподавательской и научной деятельности — стал ассистентом Йельского университета в Нью-Хейвене. В большинстве биографических статей и справок (в том числе и у автора данной статьи⁷) об историке говорится, что он работал профессором русской истории, сменив на этой должности Г. В. Вернадского. Заблуждение свя-

² Дворниченко А. Ю. Русский историк Георгий Вернадский. Путешествия в мире людей, идей и событий. СПб., 2017.

³ Дворниченко А. Ю. Г. В. Вернадский об Украине и украинском вопросе. (К публикации статьи Г. В. Вернадского «Князь Трубецкой и украинский вопрос») // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2015. Вып. 2. С. 57–70.

⁴ Базанов П. Н.: 1) «Петропольский Тацит» в изгнании // Сфинкс. 1995. № 1(3). С. 158–164; 2) Н. И. Ульянов // Вече. 1999. С. 170–182; 3) Историк Н. И. Ульянов // Новый журнал. 2012. № 269. С. 189–209.

⁵ Базанов П. Н. Н. И. Ульянов — начало научно-исследовательской деятельности // Вестник истории, литературы и искусства. М., 2017. С. 407–422.

⁶ Базанов П. Н.: 1) Русский мыслитель Николай Иванович Ульянов о феномене украинского сепаратизма // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2015. Т. 16, № 1. С. 157–168; 2) Критика концепции украинского областничества в трудах историка Н. И. Ульянова // *Studia Culturae*. 2016. Т. 1 (№ 27). С. 152–166; 3) Профессор русской истории в Йельском университете: Н. И. Ульянов (1904–1985 гг.) в Америке // *Росика и русистика новейшего времени*. СПб., 2010. С. 69–77; 4) Историк Н. И. Ульянов — издатель-эмигрант // Базанов П. Н. Книжное дело русского зарубежья. СПб., 2015. С. 166–171; 5) Историк Н. И. Ульянов — преподаватель Йельского университета // *Известия СмолГУ*. 2016. № 2 (34). С. 180–188.

⁷ Базанов П. Н. Профессор русской истории в Йельском университете... С. 69.

зано с неточностью в публикациях друзей и родственников историка. Более соответствует истине мнение профессора Йельского университета Р. Фишера, согласно которому Н. И. Ульянов был штатным преподавателем русского языка на отделении «славянских языков и литератур»⁸. Эта точка зрения подтверждается документами Йельского университетского архива. В конце карьеры историк стал «заслуженным лектором» — занял должность на ранг ниже профессора-эмеритуса, которая подразумевала эпизодическое чтение аудиторных лекций. Вместе с историком работали: известная писательница Нина Николаевна Берберова (1901–1993) (читала курсы русского языка, ее устроил на работу Н. И. Ульянов⁹), литературный критик Владимир Николаевич Петров (1919–1999), писатель и публицист Владимир Дмитриевич Самарин-Соколов (1913–1995), культуролог Аркадий Ростиславович Небольсин, филолог Чарльз Мозер (двое последних — ученики Н. И. Ульянова)¹⁰, а в период 1968–1969 гг. отметим профессора Роберта Л. Джексона¹¹ и затем, в 1969–1970 гг., одного из первых представителей третьей волны — Аркадия Викторовича Белинкова (1921–1970)¹².

Н. И. Ульянов на работу в Йельский университет устроился практически случайно. Преподавание на отделении славянских языков и литератур рассматривалось им как временная деятельность.¹³ Историк жаловался друзьям на неинтересную работу.¹⁴ Первоначально супруги жили в Нью-Йорке и ездили в Йель на работу. Только через год с небольшим Ульяновы окончательно переселились в Нью-Хейвен. Постепенно Н. И. Ульянов стал вести предметы по русской культуре и истории.

Соседом Н. И. Ульянова по дому в Нью-Хейвене на Оранж-стрит оказался Г. В. Вернадский (Ульяновы жили на четвертом этаже, Вернадские — на шестом). Подружились супруги Ульяновы и с женой Георгия Владимировича Ниной Владимировной Вернадской (1884–1971). Г. В. Вернадский (1887–1973) хотя и вышел на пенсию в 1956 г., продолжал покровительствовать соотечественникам. По воспоминаниям Б. С. Пушкарева, именно Г. В. Вернадский выписал для его отца, С. Г. Пушкарева, приглашение в США и поручился за него в Йеле для предоставления ему должности профессора русской истории. Будучи известным ученым, Г. В. Вернадский влиял на руководство университета. Алан Фергюсон, крупный администратор и авторитетный человек в университетском начальстве, друг и ученик Г. В. Вернадского, всех устраивал на работу в Йель. Если Г. В. Вернадский просил его помочь, он всегда старался выполнить просьбу. Позднее появился новый куратор

⁸ Fisher R. T. Nicolai Ivanovich Oulianoff, 1905–1985 // *Slavic Review*. 1986. Vol. 45. P. 187.

⁹ Подробнее см.: «Вера жена Бориса». Дневники Веры Алексеевны Зайцевой. 1937–1964. М., 2016. С. 310.

¹⁰ Slavic Languages and Literatures faculty // Historical Register of Yale University. 1951–1968. Yb 17. H57. 1951/1968. P. 841.

¹¹ Slavic Languages and Literatures faculty // Yale University Graduate School 1968–1969. Yjf 81. A2. 1968–1969. Copy 1. P. 155.

¹² Division of the Humanities Slavic Languages and Literatures faculty // Yale University Graduate School. 1969–1970. Yjf 81. A2. 1969 / 70. P. 164.

¹³ Письмо Н. И. Ульянова Е. Е. Климову 22 апреля 1956 г. // Архив Дома русского зарубежья им. А. Солженицына. Ф. 043. Оп. 1. Д. 27. Л. 7.

¹⁴ Письмо Н. И. Ульянова Е. Е. Климову, декабрь 1956 г. // Архив Дома русского зарубежья им. А. Солженицына. Ф. 043. Оп. 1. Д. 27. Л. 9.

исторического направления — Ральф Фишер, тоже ученик Г. В. Вернадского, очень хорошо относившийся к своему учителю и лично к Н. И. Ульянову¹⁵.

Дружбе способствовало то, что оба историка работали в Санкт-Петербургском университете, а многие учителя Н. И. Ульянова были сослуживцами и близкими знакомыми Г. В. Вернадского, которому, конечно, через много лет было интересно узнать, что с ними стало в советской России. Дом Г. В. Вернадского (на «Апельсиновой улице», как шутили его близкие и друзья) был местом паломничества специалистов по русской истории. Рядом жили историк, профессор Йельского университета Сергей Германович Пушкарев («Пушкарь» для близких друзей) (1888–1984) и его жена Юлия Тихоновна (урожденная Попова) (1896–1961). Кстати, именно Пушкарев занял должность Г. В. Вернадского в Йеле. Общественный деятель Борис Сергеевич Пушкарев (сын С. Г. Пушкарева), в юности часто бывавший в гостях с отцом и матерью у Ульяновых, описывает Н. И. Ульянова как неразговорчивого, замкнутого человека, который раскрывался только в компании его отца и Г. В. Вернадского. С. Г. Пушкарев ценил Ульяныча (так прозвали Ульянова близкие) как историка¹⁶.

Традиционные отечественные застоля, интеллектуальные беседы, поражавшие иностранцев, «русские чай» способствовали популярности компании трех историков. Надежда Николаевна Ульянова (1914–2003), врач по образованию, прекрасно готовила русские кушанья, могла приготовить и что-то из марокканской кухни. Автору запомнился «кускус» по-мароккански и самодельное мороженое, а книговед и филолог Е. А. Голлербах с удовольствием вспоминал котлеты по-киевски, которые отдавал в гостях у Ульяновых. Даже поэтесса Ирина Одоевцева писала в письме Р. Б. Гулю о приготовленном Н. Н. Ульяновой блюде из индейки.¹⁷ Проф. А. Ю. Дворниченко приводит следующие факты из дневника Г. В. Вернадского: «В мае 1962 г. ходили к Ульяновым на пирог с капустой — чудный пирог, а также чай с вареньем и портвейн». В октябре 1968 г. историк (Г. В. Вернадский. — П. Б.) записал в дневнике об ужине у Ульяновых: «...водка “Московская” — очень легкая и приятная (Нина (Н. В. Вернадская. — П. Б.) не пила). Закуска тоже была хороша — пельмени и фаршированные котлеты. Впрочем, иной раз угощались и “вискаю»¹⁸. Вместе друзья выезжали из Нью-Хейвена, в январе 1965 г. Г. В. Вернадский записал в дневнике: «Борис (сын С. Г. Пушкарева) и Сергей Германович заехали за нами, повезли нас с Ульяновыми в церковь на службу на Рождество. Дивная Всеночная (хоть женские голоса в хоре местами подгуляли)»¹⁹. По мнению друзей и знакомых Н. И. Ульянова, он охотнее дружил и общался с представителями первой волны, а не второй. Например, искусственно держал дистанцию даже с соседями по Нью-Хейвену — Борисом Андреевичем Филипповым (Филистинским) (1905–1991), Владимиром Дмитриевичем Самариним (Соколовым) (1913–1992), Михаилом Михайловичем Коряковым (1911–1977). Единственный представитель третьей волны, с которым у Ульянова были хорошие отношения, — это библиофил и издатель Эммануил (Эдуард) Алексеевич Штейн (1934–1999).

¹⁵ Пушкарев Б. С. Интервью П. Н. Базанову. 20.06.2001. Москва // Личный архив П. Н. Базанова. Ф. Н. И. Ульянов. Папка Б. С. Пушкарев. Л. 3.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Георгий Иванов — Ирина Одоевцева — Роман Гуль: тройственный союз. Переписка 1953–1958 годов. СПб., 2010. С. 261.

¹⁸ Цит. по: Дворниченко А. Ю. Русский историк Георгий Вернадский... С. 295.

¹⁹ Там же. С. 296.

Благодаря работе в Йеле материальная сторона жизни супругов Ульяновых благоустраивалась. Они начали каждый год посещать Европу. Судя по публикациям в «Русской мысли» и «Новом журнале», первой страной, куда они отправились, была Испания. Видимо, через нее Н.И. Ульянов добирался до Парижа. В 1955–1956 гг. были напечатаны очерки «По Испании» — «Тоledo», «Андалузия», «Гренада», «Коррида», «Бесовское подземелье», «Алжирас», «Севилья» и др. Второй период путешествий пришелся на середину 1960–1970-х годов. Здесь на первом месте оказались Италия (Рим, Флоренция, Сиена, Венеция) и Франция. Добавим, что кроме эссе «Мертвые города», посвященных Помпеям, в это время вышли «Орвието», «Восставшие из мертвых», «Алжезирас», «Севилья», «Флоренция», «Луара», «По Франции», «Размышления у Римских руин», «Эскуриал — Аранжуэц» и др.

Когда кто-либо из семей Ульяновых, Вернадских или Пушкаревых уезжал из Нью-Хейвена, общение не прерывалось. В преддверии юбилея Г.В. Вернадского Ульяновы послали ему письмо: «Поздравляем Вас с днем рождения. Как ни скромно отмечается Ваше семидесятилетие, но в истории культуры оно займет особое место. Вам выпало на долю быть последним крупным русским историком за рубежом и вследствие этого центром притяжения всех мелких представителей этого времени, да и просто культурных русских людей. Вот почему Вы не должны принимать за простой ритуал и вежливость пожелание долгих лет жизни. Они нужны не только Вам, но и нам грешным, потому что при больших людях и маленьким живется легче. Сердечный привет Нине Владимировне (Вернадской. — П. Б.)».²⁰ Ульяновы присылали открытки из поездок — из Рима²¹ и Флоренции.²² В последней они должны были найти друга и бывшего сослуживца Г.В. Вернадского, русского историка-медиевиста Николая Петровича Оттокара (1884–1957), который был ректором Пермского университета в 1918–1919 гг., когда там работал Г.В. Вернадский, а в эмиграции стал профессором медиевистики Флорентийского университета. Самым оригинальным является шуточное письмо из Флориды, написанное в традициях отечественных историков «под древнерусскую грамоту»²³. Такое же «древнеславянское письмо» (под Епифания Премудрого) Н.И. Ульянов написал и писателю Б.К. Зайцеву, по воспоминаниям его жены Веры Алексеевны Зайцевой, в 1961 г.²⁴

До самой смерти в 1959 г. в Нью-Хейвен к Г.В. Вернадскому приезжал из Гарварда историк, один из основателей американской русистики, профессор Михаил Михайлович Карпович (1888–1959) с женой Татьяной Николаевной Карпович

²⁰ Письмо Н.И. Ульянова к Г.В. и Н.В. Вернадским 19 августа 1957 г. из Нью-Хейвена // Columbia University Libraries, Rare book and Manuscript Library Bakhmeteff Archive of the Russian and East European History and Culture (BAR). G. V. Vernadsky Papers. Box.11. Files: Ul'anov N. I. v.p. 1957–1968& n.d. G. &N. Vernadsky. Л. 1 об.

²¹ Открытое письмо из Рима в Нью-Хейвен Н.И. и Н.Н. Ульяновых к Г.В. и Н.В. Вернадским 1957 г. // Columbia University Libraries, Rare book and Manuscript Library Bakhmeteff Archive of the Russian and East European History and Culture (BAR). G. V. Vernadsky Papers. Box.11. Files: Ul'anov N. I. v.p. 1957–1968& n.d. G. &N. Vernadsky. Л. 1 об.

²² Открытое письмо из Флоренции в Нью-Хейвен Н.И. и Н.Н. Ульяновых к Г.В. и Н.В. Вернадским 1957 г. // Columbia University Libraries, Rare book and Manuscript Library Bakhmeteff Archive of the Russian and East European History and Culture (BAR). G. V. Vernadsky Papers. Box.11 Files: Ul'anov N. I. v.p. 1957–1968& n.d. G. &N. Vernadsky. Л. 1 об.

²³ Письмо Н.И. Ульянова к Г.В. и Н.В. Вернадским 9 августа 1960 г. из Дейтон-Бич // Личный архив Н.И. Ульянова в Нью-Хейвене. Л. 1–4.

²⁴ Подробнее см.: «Вера жена Бориса». Дневники Веры Алексеевны Зайцевой... С. 505.

(урожденной Потаповой). Они снимали дом рядом с Вернадскими (за которым Ульяновы в их отсутствие присматривали), чтобы пожить в отпуске и пообщаться с друзьями, хотя имели собственную дачу. М. М. Карпович и Н. И. Ульянов регулярно переписывались. Н. И. Ульянов пересылал в Гарвард издания, приходившие из книжного магазина Виктора Камкина, поддерживал проект создания русского исторического общества в США²⁵. В последнем письме М. М. Карповичу Н. И. Ульянов выражал сожаление, что тот не смог приехать в Нью-Хейвен, и выражал надежду услышать его лекции в Йеле²⁶.

У историка Н. И. Ульянова была возможность сделать университетскую карьеру. Ему неоднократно предлагали различные административные должности, но он отказывался, считая главным научную работу. Бывший аспирант Йельского университета, впоследствии профессор, Сергей Павлович Крыжицкий (1917–2002) пояснял, что Йель устраивал Н. И. Ульянова русскоязычной библиотекой, кругом общения и домашним бытом²⁷. Действительно, Н. И. Ульянова нашла работу по специальности в местной больнице, библиотека Йеля славилась и славится одним из лучших славистских собраний в США, и у Ульяновых была прекрасная, с высокими потолками — «петербургская», как шутили друзья, — квартира.

По воспоминаниям профессора Р. Фишера, Н. И. Ульянов почти не читал лекции по-английски, объясняя незнание языка тем, что ему «медведь наступил на ухо». Зато на русском он был красноречив «в манере В. О. Ключевского, учителя С. Ф. Платонова», и любил использовать в речи «краткие цитаты»²⁸. Здесь нужно уточнить, что у В. О. Ключевского манера читать лекции была абсолютно другой, а выпускник петербургского университета С. Ф. Платонов никогда не являлся его учеником. С. П. Крыжицкий вспоминал о своем учителе как о преподавателе. Он выделял два спецкурса Н. И. Ульянова: «История русской культуры» и «Театр и драматургия в России», которые были «настоящем наслаждением» среди других предметов. Н. И. Ульянов читал лекции свободно, не по написанному, лишь иногда заглядывал в небольшие «кочки бумаги», по которым зачитывал цитаты²⁹.

Дружба двух историков повлияла на их творчество. Г. В. Вернадский в своей монументальной работе «История России» приводит в списках литературы работы Н. И. Ульянова. В его «Московском царстве» это «Феодальная колонизация и экономика Мурман в XVII веке», «Комплекс Филофея», «Очерки истории народа коми-зырян», «Происхождение украинского сепаратизма», «Разинщина», «“Тень” Грозного»³⁰, а в книге «Россия в средние века», в разделе 5 «Рост имперской идеологии» (глава 4) он приводит (и цитирует) «Комплекс Филофея»³¹.

²⁵ Письмо Н. И. Ульянова М. М. Карповичу от 8 июля 1959 г. // Columbia University Libraries, Rare book and Manuscript Library Bakhmeteff Archive of the Russian and East European History and Culture (BAR). М. М. Karpovich Papers. Box.3. Files: Personal Correspondence (1953–1960). Л. 1.

²⁶ Письмо Н. И. Ульянова М. М. Карповичу от 11 сент. 1959 г. // Columbia University Libraries, Rare book and Manuscript Library Bakhmeteff Archive of the Russian and East European History and Culture (BAR). М. М. Karpovich Papers. Box.3. Files: Personal Correspondence (1953–1960). Л. 1.

²⁷ Крыжицкий С. П. Н. И. Ульянов // Отклики: сб. статей памяти Николая Ивановича Ульянова (1904–1985). Нью Хэвен, 1986. С. 62.

²⁸ Fisher R. T. Nicolai Ivanovich Oulianoff, 1905–1985 // Slavic Review. 1986. Vol. 45. P. 188

²⁹ Крыжицкий С. П. Н. И. Ульянов. С. 62.

³⁰ Вернадский Г. В. Московское царство. Ч. 2. Тверь; М., 1997. С. 402.

³¹ Вернадский Г. В. Россия в средние века. Тверь; М., 1997. С. 184, 317, 334. «Комплекс Филофея» был опубликован в «Новом журнале» (1956. № 45. С. 249–273).

В свою очередь, идеи профессора Г. В. Вернадского были восприняты соседом и постоянным собеседником, хотя Н. И. Ульянов и не стал евразийцем. Свою позицию Н. И. Ульянов выразил в письме к известному ученому-иранисту, дипломату, евразийцу Василию Петровичу Никитину (1885–1960): «Я (Н. И. Ульянов. — П. Б.) сам не оскорблен и для России не считаю оскорблением рассуждение о нашем *туранстве и монголизме*. Если бы таковые были, *отчего* бы в них не усматривал *удивительного*. Но разговоры эти мне представляются *вздорными и ненаучными*. Расовый метод, исторические особенности той или иной страны, неубедительны для меня. ... Что же касается монголов, то я и их считаю оклеветанными [П. А.] Берлиным, и при всем моем невежестве в ориенталистике очень бы хотел выступить со статьей в их защиту. Если выберу время, попробую сделать. Что касается “*Наследия Чингис-хана*” Н. С. Трубецкого, то рассуждения его, мне кажется, порочны в самой своей основе. Нам незачем искать источников идей защиты земли за пределами Руси, в чужих **высказываниях**. Эта идея русская, и выразилась она до татарского нашествия. Вспомните “Слово о полку Игореве”, “Повесть временных лет” или “Плач о погибели земли Русской”. Чингис-хан не мог оставить в наследие того, что не имел сам. Его империя — это натиск, захват, **растворение**. Понятия обороны не существовало. Русская же военная доктрина всегда была оборонительная, а не наступательная. Вообще, мне не нравится в евразийстве тенденция к *бухгалтерскому подсчету восточных и западных элементов* в русской истории и в русском обличьи. Не лучше ли было заняться изучением своих русских корней? Тогда, быть может, окажется, что на Восток незачем ходить в поисках нашего своеобразия»³².

Период работы в Йельском университете был для Н. И. Ульянова наиболее успешным в научной и публицистической деятельности. Он написал более 150 работ, в том числе монографию «Происхождение украинского сепаратизма» (Нью-Йорк, 1966), брошюры «Северный Тальма (К 150-летию взятия русскими Парижа в 1814 г.)» (Вашингтон, 1964), «Замолчанный Маркс» (Франкфурт-на Майне, 1969), сборники статей «Диптих» (Нью-Йорк, 1967), «Свиток» (Нью Хэвен, 1972) и рассказов «Под каменным небом» (Нью Хэвен, 1970). Регулярно писал статьи, эссе и рецензии для нью-йоркской газеты «Новое русское слово», «Нового журнала» и парижского «Возрождения». В «Новом русском слове» было напечатано более 60 работ Н. И. Ульянова, в «Новом журнале» вышло 50 материалов, а в парижском журнале «Возрождение» появилось 38 публикаций, принадлежащих его перу (в том числе и под псевдонимами Н. Шварц-Омонский и Н. Бурназельский).

Общие идеи с евразийцами и конкретно с Г. В. Вернадским чувствуются в творчестве Н. И. Ульянова в восприятии нашей страны как изначально многонациональной империи. Историк доказывал, что империя — это страна, имеющая сложную иерархическую государственную структуру. В многонациональной империи выделяются федеральные, автономные и унитарные части по экономическим, географическим, этнографическим и этническим признакам. Сама география Восточной Европы способствует созданию таких империй.

³² Письмо Н. И. Ульянова В. П. Никитину от 16 сентября 1956 г. // Columbia University Libraries, Rare book and Manuscript Library Bakhmeteff Archive of the Russian and East European History and Culture (BAR). V. P. Nicitin Papers. Box.1. Files: Correspondence N. I. Ulyanova with V. P. Nikitin. New York, 1956–1957. L. 1 об.

В творчестве Н. И. Ульянова основной особенностью России с VIII–IX вв. являются два фактора — огромная территория и многоэтничность. Государство на великой Восточно-Европейской равнине может существовать только как многонациональное. Это не столько доказательство ее «извечного империализма», сколько конституциональный признак, свойственный от рождения. Вслед за академиком Б. А. Рыбаковым Н. И. Ульянов считал, что славянские племена входили в так называемую «империю скифов». Его доклад в Русском литературном кружке в Нью-Йорке «Скифская Русь»³³ вызвал горячий отклик в печати. Скифов Н. И. Ульянов считал предками русских, а их страну — одним из ранних вариантов бескрайней евразийской многонациональной империи, России.

В наибольшей степени евразийство ощутимо в работе Н. И. Ульянова «История и утопия» — в понимании им русской истории. По его мнению, после падения Киевской Руси за удельным временем пришла власть Золотой Орды, ставшей наследницей киевских владений. Сменились столицы и династии, но древние земли с их населением остались неизменными³⁴.

Присутствуется у Н. И. Ульянова и критика евразийских, монголофильских идей. Оспаривая столь любимое Н. С. Трубецким и единомышленниками «наследие Чингиз-хана», историк указывал, что после чингизидов в Монголии не осталось ни городов, ни дорог, а монголы как были кочевниками, так ими и остались³⁵. Н. И. Ульянова был защитником автохтонности многих народов и противником теории переселений: «В период между двумя мировыми войнами над популяризацией этой идеи потрудились немало Евразийцы. Но они находились в плену у старой индоевропеистики с ее теорией миграций, объяснявшей, как встарь, смену государственных образований переселениями народов — выходявших из древней прародины — пришествием одних, вытеснением или истреблением других. <...> Евразийцы были глухи к голосу археологии, палеоэтнографии (а ныне и лингвистики), с давних пор объяснявших “доисторический” период совсем по-иному и накопивших обширный материал для полного переворота в представлениях о древнейших судьбах России»³⁶. Евразийство, по Н. И. Ульянову, является новым изданием славянофильства, и оба течения не приняты русской жизнью и русским сознанием³⁷. Славянофильство же понималось историком как уклон этнографию, победу над русским (петербургско-московским) витебского, полтавского, псковского и рязанского.

Европофил Н. И. Ульянов выступал и против пропаганды в истории и культуре так называемого «традиционного общества», утверждая, что чаще всего «традиционализм» — это реакционное явление, оправдывающее отсталость любого народа. Историк иронически относился к цивилизационной концепции развития человечества («культурно-исторических типов»). Европоцентризм Н. И. Ульянова сближает его как историка культуры с П. Н. Милюковым и еще более с В. В. Вейдле. Классические славянофилы вызывали у Н. И. Ульянова естественный протест про-

³³ Троицкий И. Скифская Русь // Новое русское слово. 1959. 7 февр. С. 3; Коцевалов А. О Скифах и славянах // Там же. 1959. 24 февр. С. 4.

³⁴ Ульянов Н. И. История и утопия // Спуск флага. New Haven, 1979. С. 65.

³⁵ Ульянов Н. И. О главном // Мосты: сб. статей к 50-летию русской революции. Мюнхен, 1967. С. 78.

³⁶ Ульянов Н. И. История и утопия. С. 67.

³⁷ Ульянов Н. И. Культура и эмиграция // Новый журнал. 1952. № 28. С. 262.

тив «этнографизма». Историк возмущался определениями типа «русский — тот, кто носит бороду, лапти, косоворотку или сарафан с кокошником и ест блины». Восприятие России как «православной Индии», отрицание науки и блестящей русской культуры XVIII–XIX вв., утопическое понимание московского царства XVI–XVII вв. как счастливой Аркадии и Беловодии вызывали у профессионального историка, специализировавшегося на этом периоде, здоровый скептицизм — можно ли так своими домыслами фальсифицировать реальную историю?

В традиционной троице русской общественной мысли — западничество, славянофильство (почвенничество), евразийство (востокофилия) — Н. И. Ульянов был, по словам востоковеда и евразийца В. П. Никитина, «истым западником»³⁸. Историк оставался убежденным патриотом-западником. Он иронически относился к славянофилам и был органичным выразителем новгородско-псковской, северорусской традиции отношения к петровским реформам, Швеции, западной науке, романо-германскому натиску. Н. И. Ульянов не только стоял на платформе своих предков и земляков, крестьян Северо-Западной России, но считал себя продолжателем историков С. М. Соловьева, В. О. Ключевского и С. Ф. Платонова. Для крестьянства Северо-Запада России Петр I — народный, былинный герой, освободитель приневского края от шведской оккупации, от ига иноземцев. Историк был убежден, что главное в деятельности Петра Великого — создание российской светской культуры, литературы и науки, в частности создание Академии наук и Петербурга как символа русской европейской культуры. Историк искренне считал Европу родиной всемирной, общечеловеческой культуры, которая, несмотря на все современные недостатки, ею и остается³⁹. При этом сам Н. И. Ульянов обличал западничество религиозное. Он справедливо относил это направление не к XIX в., а к значительно более раннему времени и приводил хрестоматийный пример с бегством из Московского государства одного из самых образованных людей XVII в. стольника Воина Афанасьевича Ордин-Нащокина, сына ближнего боярина и дипломата Афанасия Лаврентьевича Ордин-Нащокина (основателя российской почты).

Н. И. Ульянов четко разделяет западничество на два направления. Одно дело — заимствовать за границей научные, технические и культурные достижения (истинный патриотизм), другое — слепо переносить на российскую почву все зарубежное без разбора (как самое лучшее). Особую опасность представляет перенос чуждых идеологических структур. К представителям религиозного западничества Н. И. Ульянов относил И. А. Хворостина, П. Я. Чаадаева и В. С. Печорина.

По мнению историка В. Н. Козлякова, в последние годы жизни Г. В. Вернадского круг его общения составляли только ближайшие друзья и ученики⁴⁰. Среди друзей профессора он выделял Н. И. и Н. Н. Ульяновых и С. Г. Пушкирева. После смерти Г. В. Вернадского в 1973 г. Ульяновы остались жить в своей квартире, хотя Николай

³⁸ Письмо В. П. Никитина Н. И. Ульянову от 27 августа 1956 г. // Columbia University Libraries, Rare book and Manuscript Library Bakhmeteff Archive of the Russian and East European History and Culture (BAR). V. P. Nicitin Papers. Box. 1. Files: Correspondence N. I. Ulyanova with V. P. Nikitin. New York, 1956–1957. L. 2.

³⁹ Ульянов Н. И. Культура и эмиграция. С. 263.

⁴⁰ Козляков В. Н. Обзор коллекции документов Г. В. Вернадского в Бахметевском архиве библиотеки Колумбийского университета в Нью-Йорке // Вернадский Г. В. Русская историография. М., 1998. С. 395–444.

Иванович и ушел с преподавательской работы⁴¹. Видимо, американские слависты не могли представить свою жизнь без собраний на «Апельсиновой улице». Так Г. В. Вернадский в последний раз смог помочь своему младшему другу и соотечественнику.

Творчество выдающихся русских историков-эмигрантов Г. В. Вернадского и Н. И. Ульянова особенно актуально в наши дни и еще ждет своего пристального внимания и монографического исследования.

Reference

- Bazanov P.N. Istorik N. I. Ul'ianov. *Novyi zhurnal*, 2012, no. 269, pp.189–209. (In Russian).
- Bazanov P.N. Istorik N. I. Ul'ianov — izdatel'-emigrant. Bazanov P.N. *Knizhnoe delo russkogo zarubezh'ia*. St. Petersburg, St. Petersburg State Institute of Culture Press, 2015, pp. 166–171. (In Russian).
- Bazanov P.N. Istorik N. I. Ul'ianov — prepodavatel' Il'skogo universiteta. *Izvestiia of Smolensk State University*, 2016, no. 2 (34), pp. 180–188. (In Russian).
- Bazanov P.N. Kritika kontseptsii ukrainskogo oblastnichestva v trudakh istorika N. I. Ul'ianova. *Studia Sulturae*, 2016, vol.1, no. 27, pp. 152–166. (In Russian).
- Bazanov P.N. N. I. Ul'ianov. *Veche*, 1999, no. 12, pp. 170–182. (In Russian).
- Bazanov P.N. N. I. Ul'ianov — nachalo nauchno-issledovatel'skoi deiatel'nosti. *Vestnik of History, Literature and Art*, 2017, pp. 407–422. (In Russian).
- Bazanov P.N. "Petropol'skii Tatsit" v izgnanii. *Sfinks*, 1995, no. 1 (3), pp.158–164. (In Russian).
- Bazanov P.N. Professor russkoi istorii v Il'skom universitete: N. I. Ul'ianov (1904–1985 gg.) v Amerike. *Rossika i rusistika novieshego vremeni*. St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2010, pp. 69–77. (In Russian).
- Bazanov P.N. Russkii myslitel' Nikolai Ivanovich Ul'ianov o fenomene ukrainskogo separatizma. *Vestnik of the Russian Christian Academy of Humanities*, 2015, vol. 16, no. 1, pp. 157–168. (In Russian).
- Dvornichenko A. Yu. G. V. Vernadskii ob Ukraine i ukrainskom voprose (K publikatsii stat'i G. V. Vernadskogo "Kniaz' Trubetskoi i ukrainskii vopros"). *Vestnik of Saint-Petersburg University. History*, 2015, iss. 2, pp. 57–70. (In Russian).
- Dvornichenko A. Yu. *Russkii istorik Georgii Vernadskii. Puteshestviia v mire liudei, idei i sobytii*. St. Petersburg, Evraziia, 2017, 724 p. (In Russian).
- Fisher R. T. Nikolai Ivanovich Oulianoff, 1905–1985. *Slavic Review*, vol. 45, 1986, pp. 187–188.
- Kozliakov V.N. Obzor kolleksii dokumentov G. V. Vernadskogo v Bakhmetevskom arkhive biblioteki Kolumbiiskogo universiteta v N'iu-Iorke. Vernadskii G. V. *Russkaia istoriografiia*. Moscow, Agraf, 1998, pp. 395–444. (In Russian).
- Kryzhitskii S. P. N. I. Ul'ianov. Otkliki. *Sb. Statei pamiati Nikolaia Ivanovicha Ul'ianova (1904–1985)*. New Haven, N. N. Oulianoff, 1986, pp. 59–63. (In Russian).
- Petrov E. V. Nauchno-pedagogicheskaia deiatel'nost' russkikh istorikov-emigrantov v SShA (pervaia polovina XX stoletii). *Istochniki i istoriografiia*. St. Petersburg, Ros. tamozhennaia akademiia, SPb. filial im. V. B. Bobkova, 2000, 160 p. (In Russian).
- Petrov E. V. Nauchno-pedagogicheskaia deiatel'nost' russkikh istorikov-emigrantov v SShA v pervoi polovine XX veka. *Diss. ... dok. ist. nauk*. St. Petersburg, 2001, 499 p. (In Russian).
- Vernadskii G. V. *Moskovskoe tsarstvo*. Chapter 1. Tver'; Moscow, LEAN; Agraf, 1997, 512 p. (In Russian).
- Vernadskii G. V. *Moskovskoe tsarstvo*. Chapter 2. Tver'; Moscow, LEAN; Agraf, 1997, 416 p. (In Russian).
- Vernadskii G. V. *Rossiiia v srednie veka*. Tver'; Moscow, LEAN; Agraf, 1997, 352 p. (In Russian).
- Vernadskii G. V. *Russkaia istoriografiia*. Moscow, Agraf, 1998, 447 p. (In Russian).

Статья поступила в редакцию 17 декабря 2017 г.

Рекомендована в печать 30 ноября 2018 г.

Received: December 17, 2017

Accepted: November 30, 2018

⁴¹ Письмо Н. И. Ульянова Н. А. Троицкому 15 апреля 1973 г. // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 10015. Оп. 1. Д. 617. Л. 45.